

Алморраг

В. С. Л.

АВТОГРАФ

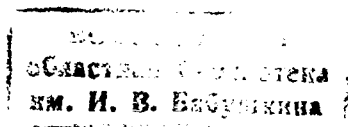
Литературно-художественный журнал

9

К 10-летию Рубцовского центра

K 1303007

Вологда
2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
В МИРЕ РУБЦОВА	
Василий Белов	5
Глеб Горбовский	5
Воспоминания "Одна встреча"	6
Вячеслав Белков	9
Павел Глушаков	13
В. Семакин	15
АВТОГРАФ	
"Дорогому Боре..."	17
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	
Ю. Максин, Н. Бушенев и другие	18
ИЗБРАННОЕ	
Александр Русанов	23
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Наши авторы	25
Книжная полка	25
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Андрей Петухов (рассказ)	26
ПАМЯТЬ	
Е. Измайлова	29
В. Лисицын	31
Н. Иваницкий	35
ГРАФИКА	
Виктор Седов	36
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Книжные знаки вологжан	38

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот номер выходит к 10-летию Рубцовского центра в Вологде. Эта общественная организация была создана нами в конце 1990 года при газете “Волог. комсомолец”, и работала успешно, особенно первые годы. Мы собирали материалы и документы о Рубцове, воспоминания, все это печаталось сразу в газете. Затем пошли специальные газетные выпуски “В мире Рубцова”. С выходом журнала “Автограф” спец-выпуски эти перекочевали в журнал. Сегодня выходит, можно сказать, 21-й спец-выпуск.

В разное время Рубцовскому центру помогали А. Грязев и А. Драчев, В. Степанов и А. Цыганов, В. Елесин и Ю. Максин, А. Швецов и А. Смолин, жители других городов – Д. Ширяев, Н. Коняев, З. Дубинина, М. Полетова, С. Лагерев, Н. Сочихин, А. Антуфьев, С. Сорокин, В. Соколов и другие.

Возможно, сегодня нужны новые формы работы или новый статус самого Рубцовского центра. Но свои главные задачи он выполнил. Например, подобные культурные центры возникли в нескольких городах, а в Дзержинске создали даже Муниципальный музей Рубцова.

Как всегда, в нашем журнале много хороших стихов. Всем желаем успехов.

Вячеслав БЕЛКОВ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Василий БЕЛОВ

НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

О, как мне осилить такую беду –
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
От этого подлого смысла.

Подсчитано все, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, –
Друзья уходящие губят.

Как будто позор предстоящего дня
Узнали и – рады стараться –
Один за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся.

Мне страшно без них!
 Я не вижу ни зги,
Ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь,
 помоги,
В безжалостный час не отвергни?
Ни Бога, ни Родины...
 Лишь Мавзолей
И звезды, воспетые хором.

И тихо мерцая, светило полей
Горит над бессонным Угором.

1971

Глеб ГОРБОВСКИЙ

* * *

...памяти Николая Рубцова

Дивные сосны недвижны
в своей почивальне.
Только всего-то и слышно:
цветы танцевали...
Ветер настоян на травах –
что чай ароматный.
Сосны окутал кудрявый
кустарник косматый.
Старое кладбище чахнет
под хвойною шубой.
Дивные сосны молчат так,
как застывшие трубы...
Дивные сосны – в мундирах –
над звездами – строим!..
Гордые сосны – над миром,
над вечным покоем...

Витебск

4 августа 1971 г.

МНЕНИЯ:

*“Для меня самым ярким, значительным явлением в нашей поэзии
последней трети 20 века стало творчество Николая Рубцова...”*

В. Николаев, Петербург

Воспоминания “ОДНА ВСТРЕЧА”

В. Б.: Писали ли Вы когда-нибудь что-либо о Рубцове? Что помните о нем?

Она: “...Ничего не писала и , думаю, никогда не стану. Коля не одобрил бы этого. Я смотрю на все это как бы его глазами. А он был такой человек, что не одобрил бы этого...”

Поймите меня правильно. Я иногда рассказываю о нем среди знакомых, друзей, когда это как-то входит в орбиту беседы , но писать... Обычно я рассказываю о Рубцове, когда нужно защитить кого-нибудь , ну... на таком авторитетном примере показать, что это /что-то/ со всяким бывает... Только одно хорошее писать о нем нельзя. Пострадала бы правда. Коля ведь был не ангел... Часто был не трезв, например... Всякое было. Писать объективно мне трудно; да если бы я и написала, полностью это не опубликуют . Вы стали бы выбирать, и тут неизбежно что-то нарушилось бы, исказилось...

(Здесь я уточнил, что не собираюсь пока публиковать свою работу. Правда, она плохо слушала меня, вся погруженная в воспоминания, в далекий для нас, но близкий для нее образ поэта. – В. Б.)

Если писать честно , то надо же писать о том, что он говорил и думал о вере, о боге. Он все время искал истину, новую веру, думал о том, как и чем людям жить. А я вот неверующая совсем. К сожалению.

Это все его богоискательство , толстовство. Он прямо наследовал Толстому, только по-своему, на другом уровне философии... Эта его философия была более доморощенной. Образование было не то... Поиски счастья через страдание. Он же всегда искал страданий, шел к ним, и если их не было, – выдумывал их... Ну как об этом напишешь? Не опубликуют... А писать о том, как он ел , ходил , говорил, – это сделают и без меня , другие. Он был гениален...

Может, когда-нибудь и сяду за воспоминания о нем. Может, времени еще не много прошло, и я не могу пока...

Вот выйду на пенсию... Мне нужно обязательно написать о музыкантах, с которыми была знакома. Это великие музыканты, – Рихтер, Гилельс... Здесь мне проще, – они люди как бы чужие, а Коля родной, свой... Как говорят, мать не может лечить своего ребенка... так и я не могу писать о Коле, это было бы как-то неестественно...

(Помню, когда я прочла книгу “Новое о Маяковском” – была такая книжка, – горячо любимом мною поэте, я уже не могла воспринимать его (М-го) по-прежнему, как прежде. Что-то изменилось, необратимо исчезло...)

Не скажу, что бы он /Рубцов/ очень часто бывал у нас, да и приходил он скорее не ко мне или мужу, а к нашему сыну, шпаненку Сашке. Коля как-то полюбил его, привязался к нему... Приходил к нам не часто, но всегда... со стоном, когда больше не мог, когда было очень трудно на душе. Мог прийти в 2, в 4 часа ночи. Придет, уложим...

Сашку он очень любил, шпаненка. Не знаю, почему. Но догадываюсь. – Рубцов был действительно очень одинок. А тут – несерьезный очень доверчивый парень, с которым он, наверное, говорил о том, о чем с другими бы не стал, выговаривался как бы... Хотя, конечно, и понимал, что парень очень молод, и не все ему можно говорить, мало он поймет. Сашка, наверное, не очень и слушал; а Коле, возможно, так и лучше было. Главное – Сашкина непосредственность. Он и сейчас, взрослый уже, по-прежнему немного инфантилен... Спрашивала у него в те годы иногда: О чем говорили с Николаем? Стихи он читал? Отвечает: не помню, о чем говорили; обо всем; стихов не читал... Был бы Сашка иной, многое бы мог теперь рассказать; но, наверное, Коля тогда и не сблизился бы с ним так.

Коля был очень-очень простой. И не от мира сего. Иногда скажет что-нибудь, – думаешь, какая чушь! А потом доходит, что может, он прав... Он жил в каком-то своем мире, замкнутом для других. Он открывался очень редко. Был как жемчужина в раковине. Черная жемчужина. Сидит, и вдруг скажет что-нибудь странное; потом понимаешь, что он живет в другом мире, он центр другой галактики, его мысли живут как бы в другом измерении, и когда он их высказывает, нам непривычно слышать их в нашем мире. А он был в это время в состоянии творчества. Может, это и есть вдохновение, гениальность... Это уже касается психологии творчества, о чем он никогда не говорил...

Я как-то чувствовала, что он умрет; знала, что с ним что-то должно случится, – не это, так другое... Так уж он жил. Прямо стремился к этому...

Помню такой случай: когда провожали Сашку в армию, Коля чуть не опоздал на вокзал. Оказалось, он искал чего-нибудь сладкого для парня. Это так необычно для Коли, да он и не умел этого делать. А тут он, видимо, решил, что мальчику можно... Сашка очень расстраивался, но потом Коля прибежал... Очень простой и душевный был он человек...

Трудно писать о нем, да и нужно ли мне это делать. О Коле должен написать Василий Белов... Я бываю иногда на вечерах памяти Рубцова, и мне как-то не по себе становится. Я не утверждаю, что о нем не надо говорить, но нужно как-то иначе... Хотя я их понимаю: они сами при этом как-то очищаются... (Тут я не совсем понял рассказчицу, но не перебивал уже.— В. Б.)

Его очень хорошо знал Белов, они были очень близки, и вот не случайно же он сейчас молчит о Рубцове. Ничего не хочется делать ради обывателей; я люблю людей, но не хочется... Точно так же было и у самого Коли после смерти Александра Яшина...

Еще расскажу такой случай... Вы первые его услышите... Вот хотите верить, хотите нет: Ночью в день смерти Коли я неожиданно проснулась (не знаю, как после этого случая я не стала верить в бога, в providение), — мне показалось (как наяву!), что к нам пришел Коля. Я была дома одна. Он протягивает на ладонях лист бумаги и говорит: “Аня, я написал для тебя стихотворение...” Это были “Журавли”, но не те, которые всем известны, а другие, никому не известные. Тогда же, ночью, я записала это стихотворение. Там было 3-4 строфы... А утром показываю мужу (надо сказать, что в юности я писала стихи), а он и говорит: “Слабые стихи. Ты же сама видишь, что это твои слова. До Рубцова этим стихам далеко...” Вскоре я изорвала листок, но потом еще долго помнила эти стихи. А однажды поехала в Москву, зашла там к приятельнице, и за чаем рассказываю ей эту историю. И, дойдя до этого места, где стихи, вдруг чувствую, что не помню ни строчки из всего стихотворения!.. После этого случая опять “явился” мне Коля и говорит: “Что же ты... Я ведь тебе одной, а ты всему свету... Это я лишил тебя этого стихотворения...” И действительно, оно начисто исчезло из моей памяти!.. Да, тут бы мне и в бога поверить. Ничего больше не остается...

Где уж мне писать о Рубцове. Я и Коля — две разные величины...

Нет, ваша просьба не застала меня врасплох. Ко мне уже обращались с такой просьбой, и у нас, и в Москве, но я всегда отказывалась...

ПРИМЕЧАНИЕ:

В. Белков : эта встреча состоялась примерно в 1979 году. Рассказчица просила меня не публиковать пока эти воспоминания, по крайней мере при ее жизни. Рассказ ее я записал в тот же день, по памяти. А через несколько лет она умерла.

Вячеслав БЕЛКОВ

“МЫ ПОЙМЕМ ДРУГ ДРУГА” БЕЛОВ, РУБЦОВ И ДРУГИЕ

Писатель, художник наиболее ярко, наверное, раскрывается в общении со своими братьями по искусству, с коллегами. В таком общении творческий человек показывает лучшие свои черты, высказывает заветные мысли.

Мы знаем сегодня, например, с каким уважением и вниманием относился Николай Рубцов к Василию Белову. Как ценил его прозу. Несколько беловских строчек Рубцов использовал в своих стихах (“Тихая моя родина” и др.), книжку Белова подарил поэт своей дочери. А какие замечательные письма писал Рубцов своему старшему другу Александру Яшину! Вот, например, он пишет о современной поэзии, вернее, о графомании: “Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и т.п., и все твердят, твердят! А где лиризм, естественность, звучность? Иначе, где поэзия? Да еще многие из пишущих со своим легкомысленным представлением об этом деле носятся, как курица с яйцом!..”

В другом письме к Яшину Рубцов выстраивает целую эстетическую программу. В третьем – высказывает очень глубокие мысли о деревне, о человеческой психологии. Не будь этих писем, мы знали бы о Рубцове гораздо меньше сегодня. Жаль только, что нет в Вологде литературного музея, где мы могли бы воочию видеть рукописи, письма, книги с дарственными надписями, другие свидетельства творческого общения известных писателей.

Любопытную надпись сделал сто лет назад поэт Феодосий Савинов на своей книге, подаренной “братану” В. Ключареву: “Добрый Володя! Одна в жизни правда, одно в жизни счастье – это быть добрым и честным. С этими заветами еще можно жить на свете. Ф. Савинов. 1900”. Эта надпись добавляет новый штрих к портрету поэта. Характер Савинова еще во многом не понят нами, хотя некоторые исследователи пытались нарисовать его образ.

Мы мало знаем об отношениях Николая Рубцова с художниками. Он был знаком, например, с Бурмагиными, с некоторыми вологодскими художниками дружил. Бурмагины оформляли тогда книги Романова, Коротаева, Дементьева, Викулова... А вот рубцовскую книгу они иллюстрировали только после смерти поэта.

Но известен такой факт: в 1970 году с просьбой оформить книгу Рубцов обратился к художнику Константину Васильеву. Тому самому, который известен циклом “Русь былинная”, написанным в стиле “сурового романтизма”. Об этом письме сегодня редко вспоминают, а его стоит процитировать почти полностью:

“Глубокоуважаемый Константин Алексеевич! Видел ваши карикатуры в “Чаяне”, графические портреты Лермонтова и Достоевского и цветную фотографию картины “Лебеди”. Понял, что вы (и только вы!) сумеете нарисовать иллюстрации для моего сборника. Другие современные графики – за исключением немногих маститых рисовальщиков – и думают не по-русски, и рисуют не по-нашенски, и заняты не искусством, а отталкиванием от издательских и редакционных кормушек соперников, интригами и подсиживанием. Мы же с вами сталкиваемся и, думаю, пойдем друг друга...”

Редкий случай – Рубцов высказывается о нравах некоторой части художественной интеллигенции. К сожалению, нравы эти мало изменились с годами. А книгу поэта Васильев так и не оформил, хотя со стихами его познакомился. Когда Рубцов писал письмо, жить ему оставалось всего четыре месяца. Смерть поэта помешала осуществиться этому творческому союзу. Константин Васильев тоже рано ушел из жизни, в 1976 году, и тоже трагически.

Рубцов искал единомышленников. Прежде всего он находил их, наверное, среди друзей-вологжан. Я уже говорил о Василии Ивановиче Белове. В деревне Тимонихе у Белова поэт написал свою стихотворную сказку “Разбойник Ляля”. Многие мемуаристы сегодня отмечают, что между двумя земляками-писателями сложились тогда особо доверительные отношения. Хотя были, конечно, и размолвки (из-за мнительности Рубцом), споры. Однажды Василий Белов написал стихотворную пародию на Рубцова. В общем, все было.

Несколько глубоких мыслей о литературе высказал Рубцов в заметке о стихах Ольги Фокиной. А прочтите недавно опубликованные письма поэта критику и земляку Феликсу Кузнецову. Сколько там интереснейших фактов, метких наблюдений! Как умело, например, Рубцов строит ироническую фразу, говоря в письме об Ал. Михайлове: “...Я задел такую личность, от которой навсегда отделена не только поэзия, но и в любой момент может отделиться приказ о моем исключении из института”.

Долгое время мы не знали о дружбе Рубцова с Феликсом Кузнецовым, критиком, партийным деятелем, ныне – директором Института мировой литературы. Оказывается, Кузнецов много общался с поэтом, помогал ему. Вот как он вспоминает о тех временах: “Когда Николая восстановили на заочном отделении Литературного института, больше всего он боялся экзамена по истории русской литературы и больше всех из преподавателей уважал и любил профессора Геннадия Николаевича Поспелова, который вел этот курс и который был и моим учителем в МГУ. Готовясь к этому экзамену, Николай приходил ко мне, и мы практически вместе прошли весь этот курс, а потом наши импровизированные занятия превращались в разговоры о литературе, о которой Николай мыслил точно и свежо...”

Между прочим, мы много хорошего узнали теперь и о Кузнецове. Он не только громил московских диссидентов (часто по делу), но успевал, оказывается, и многое-многое другое в этой жизни...

Да, многое открывается только со временем. Недавно вот “Независимая газета” впервые опубликовала полный текст последнего интервью Василия Шукшина. Мы перечитываем его слова о Шолохове, Белове, узнаем и что-то новое. Без точного знания мы бы никогда не поняли друг друга.

МНЕНИЯ:

Одна знакомая приехала на дачу к Вознесенским. Было это в середине зимы. Жена Вознесенского, Зоя, встретила ее очень радушно. Хозяин не появлялся.

– Где же Андрей?

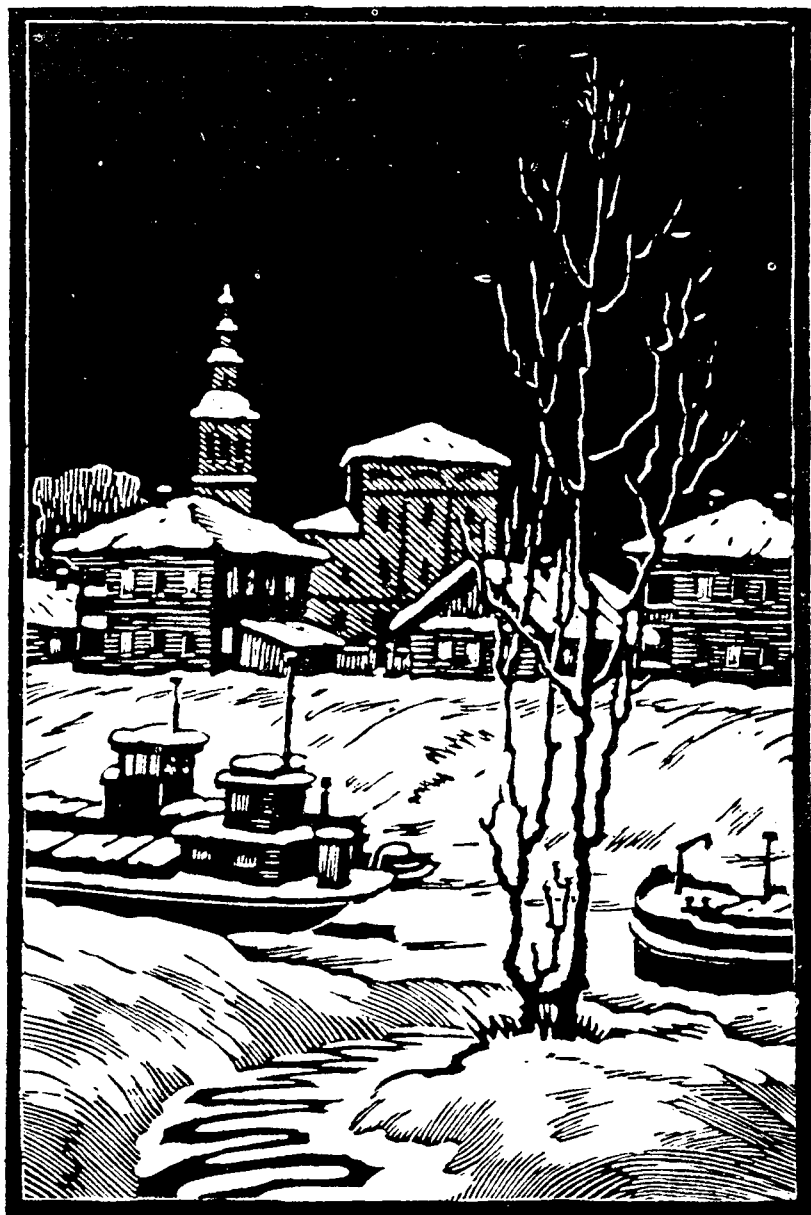
– Сидит в чулане. В дубленке на голое тело.

– С чего это вдруг?

– Из чулана вид хороший на дорогу. А к нам должны приехать западные журналисты. Андрюша и решил: как появится машина – дубленку в сторону! Выбежит на задний двор и будет обсыпаться снегом. Журналисты увидят – русский медведь купается в снегу. Колоритно и впечатляюще! Андрюша их заметит, смутится. Затем, прикрывая срам, убежит. А статьи в западных газетах будут начинаться так:

“Тениального русского поэта мы застали купающимся в снегу...” Может, они даже сфотографируют его. Представляешь – бежит Андрюша с голым задом, а кругом российские снега.

С. Довлатов, ж. “Звезда”

В.С.Иванов

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

“КОНСТРУКТИВНЫЕ” СТИХОТВОРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РУБЦОВА

Под “конструктивными” стихотворениями мы будем понимать такие тексты, в которых формальные поиски поэта (в ритмике, синтаксисе, языке в целом) превалируют над собственно содержательными. Такие стихотворения, конечно, экспериментальны и интересны прежде всего своей технической организацией, своей конструкцией. Мы рассмотрим три стихотворения Рубцова, имеющих ярко выраженную номинантную сущность.

Вот первое стихотворение – “Окошко. Стол. Половики.” Первое четверостишие при чтении оставляет впечатление какого-то недостатка и вместе с тем определенной избыточности (как ни парадоксально).

*Окошко. Стол. Половики.
В окошке – вид реки...
Черны мои черновики.
Чисты черновики.*

Конечно, сразу бросается в глаза нарочитая аллитерация на шипящие (ш) и на мягкую палатализованную согласную (ч). Каждая строка заканчивается продолжительной цезурой (чисто пунктуационно – точкой и многоточием). Естественно, что строки получают, таким образом существенную автономность, самодостаточность. И все же не в этом главная особенность четверостишия: на восемь существительных (из одиннадцати графем) нет ни одного глагола; только одно прилагательное, одно местоимение и один предлог, сливающийся фонетически с существительным). Итак, соотношение существительных и глаголов – 8:0.

Второе четверостишие дает другой показатель – 9:2:

*За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой – значит, ночь,
А солнце – значит, день.*

Автономность строк тут нарушена, они вступили в синтаксическое взаимодействие. Из двух глаголов лишь один (мелькает) еще с некоторой долей натяжки можно определить как сигнализатора некоторого движения, тогда как слово “уходит” – чистая метафора со стертым глагольным значением.

В третьем четверостишии показатель уже существенно иной – 6:5:

*Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать – черновики.*

Здесь уже, можно сказать, чисто номинативное видение мира, явственно обозначившееся в первой части стихотворения, сменяется более сложным, данным не в статике, но в динамике. И все же некоторая конструктивность остается и тут: в стихотворении почти нет “обертонов” смысла (чисто лингвистически они фиксируются прилагательными). Глаголы же стихотворения становятся практически и императивными формами: “забуду”, “велят вставать”. Мир вокруг поэта четко и однозначно описан и детерминирован, но все-таки и что-то ускользнуло от взгляда поэта...

Стихотворение “На перевозе” строится по аналогичному конструктивному признаку:

*Паром.
Паромищик.
Перевоз.
(Сравните: “Окошко. Стол. Половики.” – П. Г.)
И я с тетрадкой и с пером.
Не то что паром паровоз –
Нас парой весел вез паром.*

*Я рос на этих берегах!
И пусть паром – не паровоз,
Как паровоз на всех парах,
Меня он
в детство перевез.*

Обыгрывание случайных созвучий (пар?м–паром–парой) существенно затрудняет чтение и восприятие стихотворения. Заметно также, что в нем почти полностью отсутствует действие, хотя описываются, так сказать, “предметы действия”: паром, паровоз. В рубцовском стихотворении пятнадцати существительным соответствуют только три глагола. Эти глаголы создают некоторое внутрistroфное созвучие: вез–рос–перевез. Используется и ярко выраженная аллитерация: на (п) и (в) – паром–паромщик–перевоз; весел–вез.

По несколько иному, но все же ощутимо конструктивному, принципу организовано стихотворение “Сто нет”. Созвучия здесь перерастают в анаграммы и во всевозможные смысловотрансформации, имеющие, однако, лишь самоцельное и самодостаточное значение:

*В окнах зеленый свет,
Странный, болотный свет...
Я не повешусь, нет,
Не помешаюсь, не,
Буду я жить сто лет,
И без тебя – сто лет,
Сердце не стонет, нет,
Нет! Сто нет!*

Только конструктивное, формальное – черта неустоявшегося художественного метода, поиска “своего голоса”. Стихи Рубцова в основной своей массе не “сочинены”, а “рождены”. Исключения, рассмотренные нами, лишь подтверждают правило.

В. СЕМАКИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ. СТИХИ РЕДАКТОРСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н. Рубцов пересоставил рукопись своих стихов. Учитывая замечания рецензентов и редакции русской советской поэзии, автор доработал ее, сняв отдельные менее удавшиеся стихотворения, заменив отдельные строфы и строки более четкими и точными, а также пополнив рукопись новыми сти-

хами. После доработки рукопись выиграла, качественно улучшилась и готова к редактированию.

О положительных качествах рукописи Н. Рубцова исчерпывающе сказано в рецензиях Н. Сидоренко и В. Милькова, а также в предыдущем редакторском заключении. Рукопись можно было принять к редактированию и в прежнем варианте, а в предоставленном – тем более.

В прежнем варианте книга вырисовывалась объемом лишь в 1,5 листа; удачное пополнение рукописи новыми стихами, осуществленное автором при пересоставлении, позволяет увеличить ее объем до 2-х листов.

Книга Н. Рубцова вполне может быть включена в план издания 1967 года, – она этого заслуживает и по содержанию, и по своим художественным достоинствам.

Возражения вызывают лишь несколько стихотворений, а именно: “Кружусь ли я в Москве бурливой”, “В укромной комнате своей” и “Вечернее происшествие”. Первое из них не вполне самостоятельно по интонации (слишком напоминает “Брожу ли я вдоль улиц шумных”), отдельные строки его мало поэтичны (“Пойду ли к девушке красивой и отдохну немного с ней” и др.); второе стихотворение – с явным переключением, в особенности то его место, где подзагулявшие герои стихотворения удивляются, “Что эта ночь (не как обычно бывало у них) прошла без драки”; третье стихотворение – туманно по мысли.

Все другие стихотворения (за исключением трех перечисленных) редакция считает возможным одобрить. Огрехи, встречающиеся в них, вполне могут быть устранены при редактировании, настолько они немногочисленны.

16.2.66 г.

Ст. редактор (В. Семакин)

Автограф

Дорогому Б. и Тайгину
 Тайгину. Пошлите
 издательство и много
 издательство: Не думайте
 что это хвостом
 и это - стихов.
 и это - коллекция
 и это - волна.
 1962 г.
 29.

Когда летом 62-го Б. Тайгин вручил Рубцову книжку "Волны и скалы", поэт подарил Тайгину коллективный сборник "Первая плавка". На одной из страниц этого сборника Рубцов оставил свой автограф.

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Невыразима и зыбка
тайная радость моя.
Словно доносится скрипка
из глубины забытья.

Тихая, нежная скрипка.
Я и мечтал о такой.
Словно родная улыбка
дарит мне свет и покой.

Но... на ветру холодея,
мутной захлестнут волной,
жутко опомнился: где я?
В жизни – уныло-смешной.

* * *

Я выделяюсь не заслугами,
не мастерством, не красотой –
неизлечимыми недугами:
и простотой, и добротой.

И, голову клоня усталую,
во тьму глухую говорю:
“Меня жалеют, но не жалуют.
Но и за то благодарю”.

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Гей, непоседа воробей,
Чего нахохлился, как нищий?

Держись, парнишка, не робей!
Настанет день – и будет пища.

Тебе ли дуться, воробью.
Тебе ли голос рвать до крика.
Когда б узнал ты жизнь мою,
То веселей бы зачирикал...

Юрий ЛЕДНЕВ

ГРИМАСА ИСТОРИИ

Маленького Мнишка к смерти
велено нести.
Глянь: петля намылена болтается
над плахой.

Палачи поморщились:
“О, Господи прости!”

Обмочилось дитяtko в дороженьке
со страха.
Не бывало эдакова на Святой Руси.
Затаился дых в собравшемся
народе.

И мальчонка смолк, затих,
не голосил.

Только носом хлопало
“Маринкино отродье”.
Головёнку сунули в ошейник
из пеньки.

В небе птичкой облачко
белесенькое плыло.
Что-то прогундосили брадатые
дьяки,
За ножонки дёрнули, надёжнее
чтоб было.

Умчится ввысь.
Нельзя забыть,
Как ни старайся, эти
Двенадцать дней.
И лишь маяк надежды светит
В душе моей.

* * *

Мне нравится запах вечерних
дорог,
Мне нравится музыка летних
дворов,
Мне нравится свет от ночных
фонарей,
Мне хочется сказку найти
поскорей!
Мне хочется важные делать дела,
Мне мудрые хочется слышать
слова.
Пусть все изменится в жизни
моей,
Мне хочется встретить счастливых
людей.
Я знаю, возникнут другие пути,
Что в жизни еще предстоит мне
пройти,
Я верю, увижу другие миры,
Что ты мне захочешь еще
подарить!

Сергей СОЗИН

ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ МАТРОСОМ...

Возьмите меня матросом.
Возьмите меня, капитан!

Весь быт мой умыт и обсосан
Ни крови, ни боли, ни ран!

Возьмите меня матросом.
Уверен – не подведу!
На карте, меж шхер и торосов
Курс кораблю проведу.

И где-нибудь, в жаркой клоаке,
С коком, плечом к плечу,
В пьяной портовой драке
Я жизни задую свечу...

* * *

Тридцать три... Уже возраст
Христа,
А меня и распять-то не за что!
Позади лишь одна суета
И сплошное невежество...

Вячеслав ВАХРОМЕЕВ

* * *

Огонь развалился, как домик.
Как карточный. Полдень. Тепло.
Былье костровое потемок
Рассветным дождем поросло.

Бог дремлет. Беседовать не с кем
Меж омутов веток и вод
В лесу, в заблудившемся веке,
Который никак не пройдет.

В змеиной игре светотени
Под сводами веток твоих –

Воронка смертей и рождений,
Ходящий невидимо вихрь...

г. Сокол

Татьяна ОСИЧЕВА

Ты погоди еще, постой,
Совсем немного, только малость.
За тою огненной чертой
Там что-то важное осталось.

В закатном золоте видна
Полоска розового света.
С пьянящей терпкостью вина
Уходит лето...

с. Богородское

Валентина СМИРНОВА

Ах, Устье, Устье!
Ах, родное наше Устье!
Ты на Кубене на синей
Испокон веков стоишь.
Ах, Устье, Устье,
Ах родное наше Устье,
Сердцем с нашими сердцами
Ты с любовью говоришь.

п. Устье

Нина ТКАЧЕНКО

Светлоокая и зеленая,
Дорогая моя сторона.
Я девчонка, в тебя влюбленная,
Жизнь тобою моя полна!
Ты широкая, ты раздольная,
Вологодская сторона,
Синеокая песня вольная,
Замечательная страна.

п. Чебсара

Павел ЗЛОДЫРЕВ

С волненьем, издавна знакомым,
Смотрю на белизну берез,
Калину красную у дома
С копной распущенных волос.

Храпю я в памяти мгновенье,
Когда меня, мальчика, будя,
Ласкало слух прикосновеньем
Дыханье первого дождя.

Я помню, как медовый запах
Над лугом к роще тихо шыл,
А у копын теленок плакал
И утро стонами будил.

г. Дзержинск

Александр ПОШЕХОНОВ

* * *

Владимиру Кудрявцеву

Колочая поземка,
Серебряная пыль.
Малиновое солнце
Ушло за край земли.
В сугробных буераках
Седая дремлет быль.
Скрипучая дорога
Теряется в дали.
Ни морока, ни света —
Святая тишина.
В избушке-развалюшке
Уютно и тепло.
Полено бросишь в печку —
И счастлив тем сполна,
Что жаром негасимым
Сердечко обожгло.

Отгадет ретив?е —
Откликнется душа
Печальной русской песне
Да сказке всковой...

МНЕНИЯ:

Отдельно хочу сказать о гранте, который получили от Фонда Сороса. Мы хоть и являемся его лауреатами, но отношение у меня к этому Фонду весьма неоднозначное. Эти ушлые американцы за небольшие гранты и премии выкачали из России море уникальной информации по образованию и воспитанию детей. К сожалению, мы это поздно поняли.

А время сонной мухой,
Под потолком шурша,
Невидимо блуждает
Всю ночь над головой.

Александр ДУБИНИН

ЛАТЫНСКИЕ СТРИЖИ

Ведь что-то в Риме изменилось
С тех достопамятных времен.
А человек, скажи на милость,
Историей преображен?

Увы. Патриций в Риме
Не разумел такой вражды.
Вообрази, что в небе синем
Снуют латынские стрижи.

Смертельно ранен гладиатор —
С открытой раной ножевой —
Как на деревне агитатор
замучен классовой борьбой.

А ты, взыскав идеала,
Свой палец упираешь ввысь.
Назавтра скинут с пьедестала.
Вот за тобой пришли. Молись!

Г. Хлебникова, директор гимназии

* * *

Не думайте, что все в стране так
плохо.

Вон в ресторане славно как поют –
Уж вы их не судите – ради Бога! –
Сегодня ведьму замуж выдают.

Веселая – по поводу! – шумиха. . .
А вон стоит, как будто бы ничей,
И пальцем ковыряет в трупе тихо –
Колечко ищет в печени – Кошей.

Мы все не без греха, и все мы –
люди,
И каждый на кого-нибудь похож.
Вон – голову несет на красном
блюде

Не русская, не-девушка, а все ж.

Не говорите: “Раньше было
время...”

Мы тоже перепачканы в крови.
Нас дьявольское разъедает семя,
Лишенное Божественной любви.

На смертных всех всегда хватает
мрака.

Мы гибнем не за истину – за так...
И в сердце мне впивается собака,
Как нищий в медом смазанный
пятка.

НОВЫЕ ДЕТИ

Нас учили, что дети не ведают
зла...

Белобрысый мальчишка осколком
стекла

Из рогатки стреляет по стае ворон
И орет: алых роз миллион,
миллион!

А подружка поймала в траве
мотылька

И настойчиво топчет ногами, пока
Не умается вся...

Я вглядеться боюсь
Их пустыми глазами в грядущую
Русь.

НАШИ АВТОРЫ

У авторов журнала "Автограф" выходят книги. Совсем недавно первые книги выпустили Андрей Петухов (Петербург) и Николай Усанов (Сокол). Новая книга стихов "Время выбора?" выходит у череповчанина Николая Бушенева. Очередная книга стихотворений готовится у Юрия Максина, в серии "Вологда. 20 век".

Недавно вышли книги Владимира Кудрявцева, Вячеслава Белкова, Александра Дубинина, Натальи Сидоровой и других писателей. Готовится к выходу большая книга прозы Александра Грязева. Юрий Богословский написал роман "Деньги", теперь нужны деньги, чтобы его издать. Андрей Смолин выпустил книгу критики.

Большой интерес вызвали стихи А. Шадринова, опубликованные в предыдущем номере нашего журнала, а также дневник Е. Измайловой, окончание которого печатается в этом номере.

(Собств. инф.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Василий Белов "Час шестый", роман, М., "Голос, 1999. Новое произведение выдающегося писателя, заключительная часть его трилогии.

Вера Громова "Осенние всходы", стихи, Вологда, 2000. Это третья книга стихов В. Громовой, которая родилась и живет в Череповце. Предисловие написал профессор М. И. Сидоренко.

Николай Бушенев "Время выбора?", стихи, Череповец, 2000. Новая книга череповецкого автора. В нее вошли стихи публицистического плана, но в ней нет той жесткости, которая обычна в таких стихах. "Ясно даже и ребенку: Зря надеялись на Борьку..."

Антонина Каютина "Если любишь...", стихи, Череповец-Вологда, 2000. Вторая книга стихов череповецкой поэтессы.

Александр Дубинин "Звукоряд", стихи, Вологда, 2000. Новая книга поэта. Автор живет в городе Грязовце.

"Семизерье", кадуйский альманах, № 3, 2000 г. Стихи и проза местных авторов – С. Копничева, Л. Шарий, Е. Смирновой, В. Борисова, В. Кузьмина, М. Ильясова, А. Копничева и других. Графика В. Гребенчука. Отпечатан альманах в С.-Петербурге.

Николай Усанов "Прыжок через голову", рассказы, Сокол-Сыктывкар, 2000. Первая книга талантливого сокольского автора.

Виктор Плотников "Татьянин крест", повесть, журнал "Слово". Со второго номера 2000 года журнал печатает новую неожиданную повесть талантливого вологодского прозаика.

Василий Мишенев "Опавшие яблоки", стихи, Вологда, 2000. Избранные произведения поэта. Предисловие В. Белкова.

Андрей ПЕТУХОВ

ВЫХОДНОЙ

Рота, зевая и кашляя, построилась в две шеренги на плацу перед казармой на утренний развод. Первая шеренга сплошь состояла из молодых солдат. Сонные, понурые, они вытянулись по стойке “смирно”, боясь шелохнуться. Но наиболее зачуханный вид среди них был у Сувалова. От хронического недосыпания он, казалось, еле держался на ногах. На свою беду Сувалов отлично рисовал и имел прекрасный почерк. Прознав об этом, замполит завалил его всевозможной писчей и плакатной работой, обрекая на бессонные ночи. За последние трое суток ему вряд ли удалось покемарить хотя бы часов пять-шесть. Вспоминал ли он в это время о своих родителях? Размышлял ли о будущей своей жизни? Какое там! Думал ли о произведениях искусства? Жаждал ли свидания с подругой, ждавшей его на гражданке? Нет. Мечтал ли хоть на несколько часов вырваться из казарменной “житухи”? Да!

— Хорош спать, — ткнул его кулаком в спину ефрейтор Павлюк, приговаривая с усмешкой, — солдат спит, а служба идет...

— Разговорчики в строю! — прикрикнул на него старший прапорщик Лисицын.

“Старики” в шутку прозвали его Ли-Си-Цин, на восточный манер. Маленького роста, узкоглазый, шустрый, он, действительно, внешне походил на какого-нибудь японца. Но в это прозвище был вложен еще и намек на его якобы небескорыстные отношения с начальником столовой. “Старики” посмеивались, Лисицын хмурился, а начальник столовой упорно отмалчивался по этому поводу, и никто достоверно не мог сказать, таскал старший прапорщик консервы из солдатской столовой или нет.

— Вместе с младшим сержантом Кузьминым в город за фильмами поедет, — Лисицын бросил взгляд на замерших в ожидании молодых солдат, — Сувалов, — закончил он.

Сувалов вздрогнул. Лицо его мгновенно просветлело от радости. Какие-то глубинные резервы человеческого организма пробудились вдруг в нем, и сонливость как рукой сняло.

— Я! — бодро отозвался он на свою фамилию.

— Чего плотку дерешь, чмо?! — цыкнул Павлюк и треснул ему локтем между лопаток.

Но Сувалов не почувствовал боли. Все оставшееся время развода он думал о предстоящей поездке в город и преданно пожирал глазами Лисицына.

Много ли человеку надобно для счастья? Иногда даже очень много. А иногда — малость какую-нибудь. Ну что такое, казалось бы, увольнение в город на несколько часов? Сущий пустяк. Но Сувалов был по-настоящему счастлив.

К городе, сойдя с рейсового автобуса, он готов был радоваться уже тому, что трава зеленая, что небо синее. А небо в тот день и вправду было чистое, синее-пресинее, глубокое, ну, прямо бездна.

Рядом по тротуару шли люди и улыбались, должно быть, тоже и этой траве, и этому небу. Вот одна симпатичная девушка – они все сегодня были особенно привлекательными – посмотрела на Сувалова и улыбнулась. Словом, все здесь было лучше, красивее, чем в том другом, казарменном мире, откуда он приехал сегодня на стареньком автобусе, на каждом дорожном ухабе дребезжавшем всеми своими металлическими потрохами.

Даже Кузьмин словно бы преобразился. Он не орал на Сувалова, а об рукоприкладстве и говорить нечего – здесь, среди всей этой красоты, такого не могло быть и в помине. Кузьмин разговаривал, как вполне нормальный человек и, казалось, миролюбиво: “Ну, пошли, что ли, Сувалов.” Или, посмеиваясь: “Давай, пошли, Суваловскип”, или даже называл его по имени.

Таким образом, песня для Сувалова стала былью. Та самая песня, которую он горланил до хрипоты каждый божий день, маршируя в строю. Не пел, а именно горланил, потому что “старикам” и песню-то петь было “в падлу”, не то, что работать.

*...А солдат попьет кваску,
Купит эскимо,
Никуда не тороясь,
Выйдет из кино.*

Или

*Идет солдат по городу,
По незнакомой улице.
И от улыбок девичьих
Вся улица светла.*

Хорошая, правильная песня.

Кузьмин и Сувалов выпили по стаканчику кваса и газировки, съели эскимо, получили на складе четыре тяжелюших бобины с фильмами для гарнизонного клуба и зашли в общежитие медицинского института, где жили знакомые Кузьмина. Он-то был счастливчиком. В город за фильмами ездил частенько, аж раз в две недели.

Приветливые, словоохотливые девушки пригласили “солдатиков”, как они их ласково называли, к себе в комнату. Напоили ароматным чаем с лимоном и с черничным вареньем. Затем говорили о кино, о книжках и так, вообще, о чем ни попадя, шутили, смеялись. Сувалов “на гражданке” много читал и оказался прекрасным собеседником для юных студентов.

– Слушай, Митя. а мальчик-то какой интересный! – весело сказала Кузьмину одна из них, показывая на Сувалова. – Приезжайте еще.

Кузьмин загадочно улыбнулся ей в ответ и поклялся, что конечно же они с Витей приедут, и еще не раз. Разумеется, это было враньем.

Вспоминал ли Сувалов в этот день о своих родителях? Да. Размышлял ли о будущей своей жизни? Да. Думал ли о произведениях искусства? Конечно. Ведь целых полтора часа говорил и об этом тоже с прелестными студентками. Жаждал ли он свидания с подружкой, ждавшей его “на гражданке”? Да!

К вечерней поверке они с Кузьминым притащились в казарму, неся в обеих руках по бобине с кинофильмами.

– Привет, Кузя! – с ухмылкой первым их встретил Павлюк и, подойдя к Сувалову, просто так, ни за что, вплепил ему по лбу щелбан. А когда тот проходил мимо него, затаскивая свой багаж в каптерку, вяло добавил сапогом под зад. Такое обращение с “молодыми” было нормой. За что? Зачем? Да так, чтоб не “припухли”, чтоб “службу поняли”...

– Сегодня Сувалов был в увольнении, а завтра заступает в наряд на кухню, – объявил на вечернем поверке Лисицын. – Хорошего помаленьку. Отдохнул и теперь с новыми силами пора на службу.

Может быть, в этой установке и заключалась восточная мудрость Ли-Си-Цина? Хорошего-то Сувалов действительно видел не много. Ведь отслужил-то он уже почти полгода, а увольнение было всего одно. Но он и за это был бесконечно благодарен старшему прапорщику.

Наконец, в казарме прозвучала долгожданная команда – “Отбой!”. “Вот повезло!” – взволнованно думал Сувалов. Неужели ему сегодня дадут поспать? Сейчас, сейчас он нырнет, плюхнется, упадет в койку и... отключится до утра, на целых восемь часов, без сновидений и единого шороха. Только бы “старики” “не припахали” ночью мыть полы за дневального или таскать воду из кочегарки за кочегара да мало ли еще что. Да не начали бы чудить, заставляя рассказывать им анекдоты и петь дембельские песенки у их коек. Эх, если бы сейчас в руках у Сувалова появилась шапка-невидимка, то он бы, не раздумывая, натянул ее себе на голову и в койку...

– Сувалов! – окликнул его, появившийся откуда ни возьмись, замполит. Он, оказывается, сегодня дежурил по части.

– Я, товарищ капитан, – отозвался Сувалов и повернулся к нему лицом, которое честно отразило бесконечную усталость и неизбывную тоску.

И кем же это надо было быть, чтобы не прочесть, не увидеть, не понять тяжелые чувства, овладевшие солдатской душой?

– Сувалов, вы сегодня хорошо отдохнули, так что, – капитан вдруг громко чихнул. – Вот черт! Простудился, что ли? – он достал из кармана носовой платок и вытер губы. – Сегодня ночью вы будете у меня раб...– замполит снова чихнул, – ...отать, – закончил он.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. ИЗМАЙЛОВОЙ (окончание)

20 августа 1915 г. Сейчас из гимназии, с молебна. Интересно чувствовать себя “старшими”, особенно пока нет “восьмых”. Новая форма придает всем нам страшно смешной вид: мы как будто в ошейниках. Ночью читала историю д-ра Джекиля и м-ра Гайда Стивенсона.

Как часто я вспоминаю теперь время моего карантина, то было веселое, спокойное и счастливое время! Теперь это мистическое счастье бывает у меня лишь по временам, но зато когда я его чувствую в себе, я знаю, что его нельзя у меня отнять, отравить или ополчить. Оно – мое!

10 сентября. Ходила в “Ренессанс” на “Дворянское гнездо”, артистка была несколько стара, но играла чудесно. Легкие развлечения мне всегда в пользу. Я увлекаюсь, оживаю!

21 октября. Были на лекции поэта Бальмонта, на тему “Поэзия, как волшебство”. Лекция оказалась очень серьезной, сложной и довольно трудной для нашего понимания, поэтому на большинство публики не произвела впечатления. Я сама прослушала II часть, но это из-за смеха Собениной. I-е же отделение я слушала с напряженным вниманием, и мне очень понравилась его манера говорить, его выговор. Он как поет...

16 октября. У меня “5” по словесности, у Маруси тоже! Но при мысли о том, что мне “17”, я краснею до ушей. Что я сделала за эти годы? Да ничего! Это меня убивает. Зачем я существую, если от меня никому нет пользы? Зачем, вообще жить? И что такое жизнь?

В голове ряд мучительных, никому не нужных, никуда не ведущих вопросов, но с толь, кажется, важных и необходимых. Как все мрачно, пусто, холодно! О где же ты, желанный свет мира и любви?

Декабрь. Мой любимый месяц! В пустой урок в класс пришел директор и болтал с нами целый час. Глуповат он и паяц.

Я начинаю быть неаккуратной: в 3-й раз опаздываю на молитву. Это удивительно! Сегодня был 1-й урок нового законоучителя. Мы в восхищении! Говорит он чудесно, много в его речи содержания, и кроме того душа чувствуется. Видно, что он религиозен в высшей степени. Для нас такой поп – клад!

13 декабря. Вчера вечером была у Сони. Андрей в ненормальном состоянии. Нинка уверяет, что он в меня влюблен. А мне всегда причиняет невероятную боль мысль о том, что человек, который мне нравится, может не любить меня!

У меня ужасная болезнь – я противна сама себе! Мне 17 лет, а где соответствующие летам ум, такт, смелость? Я нелепа, у меня нет ни одного таланта! Я ненавижу себя!

20 декабря. Все утро усердно занималась. Потом прочла “Кавказского пленника” обоих авторов. Безусловно слог Лермонтова звучнее, красивее и содержательнее. Вообще, Лермонтова люблю больше Пушкина.

31 декабря 1915 г. Новый год, как обычно встретила у Сафоновых. Жгла воск, бумагу – в тазу на огне, пока били часы. Шумно, весело, танцевали, ходили слушать, спрашивать имя, вертелись на перекрестке. Теперь я дома одна и еще раз сама с собой встречаю 16-й год. Новый год всегда загадка, и мысль о ней наводит много меланхолического. Мы – годом ближе к смерти!

27 января. В Ренессансе шла вещь “После смерти” по “Кларе Милич” Тургенева. Отныне Полонский и Коралли – мои любимцы.

14 февраля. Дочитала “Спартак”, преклоняюсь перед его умом и славными душевными качествами, но он слезлив, а это не пристало сильному мужчине.

15 марта. Нат. Б. Читала нам Писарева о Татьяне. Я зажала уши, чтобы не слышать такой критики!

8 апреля. Читаю “Черноземные поля” Маркова, увлекаюсь очаровательными образами Нади и Суровцева. В последнем я вижу мой идеал мужчины. С таким, как он, я могла бы идти рука об руку всю жизнь.

Я снова в Соборе, и снова вижу “мое очарование”.

10 ноября 1916 г. Была на бенефисе Цвеленева, играли пьесу “Тений и безумство”. Артист талантлив, хотя уже не молод, поражает изяществом и непринужденностью.

После театра мальчишки пошли нас провожать.

30 апреля 1917 г. Сегодня последний день в гимназии. Была обедня, потом директор и педагоги сказали теплые слова, а затем нам выдали аттестаты и свидетельства за 8-й класс. Прощались с Екатериной Аркадьевной. Она прослезилась, говоря: “Этого выпуска мне особенно жалко”.

Ходили с NN, Мар. Ник., Люб. Н. и Гаммером в фотографию. Завтра экзамены!

1 мая 1917 г. Я выдержала на аттестат зрелости! И чуть с ума не сошла от счастья. Мы – вольные птицы теперь. На волю, на волю, на волю!

Виктор ЛИСИЦЫН

СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК В СТИХАХ

В доме-музее Петра I имеется интересный экспонат, памятник русской поэзии 17 в., – факсимильное воспроизведение парадной рукописи поэмы Кариона Истомина “Книга любви знак в честен брак”, преподнесенной Петру и Евдокии Лопухиной по случаю их бракосочетания 27 января 1689 г.

“Стихи на случай” – самый распространенный тип стихотворений в Европе 17 в., который ввел в русскую поэзию Симеон Полоцкий. Среди них так называемые “книжицы” – поэтические произведения, подносящиеся адресату в виде отдельно переплетенного и любовно оформленного пара-

ВНДОНІЕ ЗВѢТЪ

Вѣрѣ азъ нѣ
ѣмо и мѡпо
Прѣбѣи нѣбъ бгѣ
Црѣ Царнѣхъ
Благочестнѣхъ
Алеѣксѣнѣхъ
Велнѣхъ Кнѣзѣхъ
Бѣлы рѡссѣи

пѡстѣннѣхъ пнѣхъ
Вднѣшнѣхъ рѡдѣхъ
Блѣгополнѣхъ Тѣхъ
Сѣлѣхъ Вѣдѣхъ ѡднѣхъ
Петрѣхъ Сѡпѡдѣхъ
Вѣрнѣхъ Царѣхъ
мѡлы Велнѣхъ
Сѡмѡдѣхъ пѣхъ

дного списка. В поэзии К. Истомина проявляется одна из характерных для культуры барокко тенденций к синтезированию разных типов творчества: многоцветного письма, живописи, рисунков, фигурных инициалов, орнаментальных заставок с концовками, что придает необыкновенное парадное великолепие книге.

Самая характерная черта этих произведений – эмблематичность, которая придает особую зрелищность поэтическому тексту. Классическая эмблема представляет собой триаду, которая состоит из надписи-девиза (здесь выражена в виде вопроса Ума к Чувствам), картинки и стихотворной подписи под рисунком (здесь выраженной в виде ответа на вопрос).

Книга начинается с парадной миниатюры на обратной стороне титульного листа, где изображены новобрачные. Царь Петра в шапке Мономаха, на груди – крест, в левой руке – держава, в правой – скипетр, и невеста Евдокия в короне и платье, расшитом изумрудами и рубинами. В “Книге любви знак в честен брак” находится один из первых в русском искусстве парадных портретов, выполненный в миниатюре. Лица новобрачных написаны в реалистичной манере “светло и румяно, тенно и живоподобно”. Эта миниатюра связана и с иконописью. В ней земное соотносено с небесным: жениха и невесту благославляют находящиеся на небе их патроны – святая Евдокия, апостол Петр и Христос с богородицей.

На следующем листе идет эмблема души человека, изображенной в виде сердца, разделенного на четыре части. Сердце (душа) призывает весь “российский род” разделить радость свершившегося события.

Основная часть книги начинается со стиха с просьбой к “всетворцу” осенить присутствием царский брак и оказать покровительство в государственных делах.

Затем идет шесть эмблем. Первая выражает идею мировой гармонии, происходящей от творца. Четыре трубача в парадных кафтанах трубят о богоизбранности монарха, который является живым воплощением бога на земле.

Далее идет эмблема Ума, выраженного в виде человеческого лица, который произносит монолог о связи небесного и земного, природы и человека.

Затем Ум обращается к чувствам: Видению, выраженному в образе ушей; Вкушению, выраженному в образе человека, подносящего ложку ко рту; Осязанию, выраженному в виде двух ладоней и Ногам, которые являются “сутью тела...”

По мере движения от одной аллегории к другой, перед нашим мыслящим взором возникает живое законченное существо – человек. Образ человека выражает идею “малого мира”, который есть “храм бога живого”.

Содержание поэмы не ограничивается свадебными поздравлениями, тут звучит и прославление царя как персоны богоизбранной, но очень активной, преобразующей и творящей земную жизнь. С точки зрения автора на престоле должен быть государь-философ, мудро управляющий народом. Долг государя – защищать от врага свое государство, обращать неверных в православную веру. Государь должен быть твердым, как камень (Петр в переводе с греческого – камень), сильным, как орел.

Итак, Карион Истомина увековечил через 3 дня после свадьбы (30 января) брак государя в свадебном приветствии – ЭПИТАЛАМЕ “Книге любви знак в честен брак”. Определение “честен брак” объясняется тем, что в каноническом тексте Нового завета записано: “Брак у всех да будет честен”.

Автор этой поэмы Карион Истомина (1640–1720 гг.) происходил из семьи подьячего г. Курска. Там получил начальное образование. В Путивльской Молчинской пустыне принял монашество. В 1676 г. приехал в Москву по служебным делам. Дальнейшая его жизнь связана с работой на Печатном дворе, где он прошел путь от писца до начальника двора. Параллельно с 1679 г. был личным секретарем двух патриархов Иоакима и Андриана. Он был воспитателем царевича Алексея (сына Петра I). Он один из инициаторов открытой в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии, автор букваря и учебно-педагогических сочинений “Полис” и “Домострой”. Он был за высшее образование. Он предлагал в университет ввести семь свободных наук (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку). Он первый летописец славных дел Петра в стихотворной форме.

Н. А. ИВАНИЦКИЙ

Уроженец Вологды, выдающийся, фольклорист Николай Иваницкий (1847-1899) был еще и поэтом. Публикуя два его стихотворения, предваряем их словами биографа: "Иваницкий – преимущественно поэт-лирик. Стихотворения его просты по форме, ясны и искренни по содержанию. Настроение, выраженное в них, во многом перекликается с настроением... в передовых кругах русского общества конца 70-х – 80-х годов..."

(Н. Новиков)

* * *

Печальное, серое утро,
Нерадостный, пасмурный день;
На всем отпечаток унынья,
На всем безнадежности тень.
Живешь, как мокрица какая,
В забытом, сыром погребу,
И бога еще славословить
Велят за такую судьбу!..

* * *

Я. Гроту

“Минутный призрак – жизнь земная”.
Но тот велик тем боле был,
Кто своему родному краю
Минуту эту посвятил.
Кто жизнь свою лишь понимает
Как жизнь упорного труда,
И чья минута оставляет
Следы на долгие года.

Виктор СЕДОВ

Известный вологодский художник Виктор Седов иногда еще и стихи пишет. Публикуем сегодня одно из его стихотворений и рисунок, который стал наброском для живописной картины "Николай Клюев".

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не помню где
сирени мокрые
в дожде
может быть там
где шум тарарам.
Серо и сумрачно
ступаю
и тихо нежность
созерцаю
дождевки капельки
воды
и одинокий запах
в цвете серебристом
он был неистов.
И тишина
и старый дом
в безмолвьи тихом
и пустом
и никого
кроме дождя
да ветерка
что целовал сирени
и сумерки души
и гсний.

1990 г.

Приложение

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ ВОЛОГЖАН

Авторы экслибрисов:

К. Козловский, Э. Фролов, Е. Лебедев,

В. Едемский, А. Наговицын, А. Калашников.

АВТОГРАФ

Литературно-художеств. журнал

**Обществ. совет: Ю. М. Леднев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максим, А. А. Пошихонов, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова,
А. Ю. Петухов, Н. Б. Шилова.**

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

**Сдано в набор 10.06.2000. Подп. в печать 20.07.2000.
Заказ № 305**

15 р.

,